

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

9101
T93

Социал-демократическое

=== ДВИЖЕНИЕ ===

СРЕДИ УЧАЩИХСЯ Г. ВОРОНЕЖА

в 1904—05 г.г.

ПРОВЕРЕНО

ИЗ КНИГ
Ш. А. КОЙБАГАРОВОЙ
Э. Л. ГРУЗДЕВ-РАДИНА

№

Социал-демократическое движение среди учащихся г. Воронежа в 1904—1905 г.г.

(По материалам архива Воронежского Губернского жандармского управления и по воспоминаниям).

Настоящий небольшой очерк составлен на основании сохранившихся документов жандармского управления (донесений, сводок, прокламаций, протоколов, обысков и проч.) и на основании воспоминаний одного из авторов очерка, участника движения учащихся этого периода тов. Лызлова М. И. и воспоминаний Е. Васильевой (Никитиной).

Здесь необходимо отметить недостатки того и другого источника, т. к. это, само собой разумеется, отразилось на результатах нашей работы.

Первый источник — материалы жандармского управления — отличается чрезвычайной неполнотью и часто противоречивыми сведениями. Документы эти иногда имели такие провалы, что восстановить их и дать связный рассказ событий представляло задачу чрезвычайно трудную, а в некоторых случаях и прямо невозможную. А между тем чувствуется, что эти «провалы» в действительности были очень богаты событиями. Очевидно, часть документов была расхищена еще во время февральской революции, когда в них казались почти все, кто мог. Следствием этого, конечно, и явилось отсутствие иногда видной связи между теми или другими моментами революционного

движения учащих, которое мы попытались дать в нашем очерке.

Второй источник—воспоминания—также имеет свои крупные недостатки.

Прежде всего, в большинстве случаев в этих воспоминаниях, по вполне понятным условиям, утрачены «мелочи», которые в такой работе, как эта, имеют большое значение, очень редко приводятся даты и места, а также лица, а когда они приводятся, то часто неточно.

Кроме того, эти воспоминания очень мало останавливаются на интересующих нас годах, в большинстве случаев они рисуют положение более поздних годов, а это уже не входило в наши задачи.

Эти условия работы, безусловно, нужно иметь в виду, они же и оправдывают те недостатки, которые имеются в нашем очерке.

Но и несмотря на все эти недостатки, очерк все-таки представляет достаточно полную картину революционного движения среди учащих.

Мы думаем, что с течением времени те пробелы, которые в нем имеются, будут восстановлены воспоминаниями участников этого движения.

В своей работе мы имеем в виду осветить главным образом социал-демократическое движение среди учащих, но попутно с этим мы приводим и некоторые данные об общем революционном движении учащих.

Несколько вводных слов.

Кажется, что революция 1905 года была совсем недавно, запах пыльных документов охранки, горячие призывы прокламаций, все это создает впечатление чего-то близкого, происходившего вчера. Держишь эти документы в руках и вдруг чувствуешь беспокойство, настороженность, как и в те давно ушедшие вре-

мена. Кажется, что еще разгуливает по рабочим и крестьянским спинам царская плетка, льется кровь тысячей расстрелянных, стоят перегруженные виселицы, вдруг вспомнишь, что это проклятое время ушло навсегда и безвозвратно.

И совсем другой вид приобретают эти прокламации, документы героической, тогда не приведшей к победе борьбы.

Прежде, чем приступить к разработке интересующей нас темы, необходимо остановиться на небольшой характеристике конца революции 1905 г., т. е. революционное движение среди учащих не было чем-то самодевятым, а, несомненно, находилось в закономерной причинной связи с теми общественно-политическими событиями, которые и подготовили первую русскую революцию, послужившую генеральной репетицией великих дней Октября.

Из этих событий, несомненно отразившихся на революционном движении среди учащих, на его характере и направлениях, необходимо отметить самые главные. Это, прежде всего, события периода с 1898 г., года организационного оформления РСДРП, по 1903 год, этот период характеризовался проникновением идей марксизма в широкие массы, в том числе и учащих, годы борьбы поднимающегося на ноги марксизма с народничеством, годы борьбы внутри самой партии, с так называемыми экономистами.

Этот период характеризуется появлением ряда легальных марксистских журналов и, наконец, крупным событием в жизни нашей партии—фракционным расколом после 2-го съезда.

Вот на фоне каких событий зародились и начали жить и развиваться молодые революционные организации учащих.

Это движение, как видно из имеющихся в нашем распоряжении материалов, имело место еще раньше рассматриваемых здесь годов. Правда, оно

может быть тогда не было еще оформлено в определенные организационные рамки, но во всяком случае оно было достаточно серьезным, чтобы подготовиться к 1904—1905 году довольно прочную и многочисленную группу учащихся разных революционных течений.

Мы видим, что еще до 1904 года многие учащиеся, зараженные революционными учениями еще в стенах учебного заведения, после его окончания погружались в активную подпольную работу, не прерывая в то же время связи с учебными заведениями и подчас являясь руководителями и создателями революционных кружков учащихся. Достаточно указать имена Неутратова Ф. П., Городничева Н. А., Шаталовой Л. С. и др.

Они поддерживали революционную искру в стенах учебных заведений.

Вначале революционное движение учащихся не имело строгих ограничений в смысле различных революционных течений и партийных группировок— оно обычно тогда носило характер борьбы против режима, существовавшего в то время в учебных заведениях. Об этом говорят воззвания тогдашних ученических организаций, на которых мы ниже подробно останавливаемся.

Но с течением времени, под влиянием своих руководителей, в большинстве случаев уже зрелых партийных товарищей, и под влиянием революционной подпольной литературы эти течения начали дифференцироваться—ученические организации вступали в связь с подпольными революционными партиями, ставя себе серьезные задачи.

Так незаметно и постепенно группы учащейся воронежской молодежи втягивались в революционную работу, подготавливаясь к более широкой и трудной революционной борьбе после окончания учебного заведения. Революционное движение учащейся молодежи

жи было хорошей школой, подготавливавшей кадры будущих борцов. Особое внимание обращает на себя с.-д. движение учащихся—кадр, из которого вышли впоследствии большевики, активные участники октябрьского переворота.

Когда начинаешь перебирать в уме имена, даты тех или иных событий, самое развитие этих событий, то зачастую сталкиваешься с тем фактом, что многое ушло из памяти, покрывшись наслоениями целого ряда более поздних лет.

Из целого ряда событий, предшествовавших 1905 году, особенно решительный толчок, в смысле развития и усиления революционного движения среди учащейся молодежи, дала русско-японская война, закончившаяся разгромом военной клики самодержавной России.

«Союз воронежских учащихся».

Не подлежат сомнению, что революционные кружки учащихся начали зарождаться еще до революции 1905 года. В документах жандармского управления имеются сведения об ученике Вор. губ. гимназии Антонове А. Г., который еще в 1902 году за участие в одном из таких кружков и за хранение нелегальной литературы был исключен из гимназии без права поступления в другие средне-учебные заведения.

Но уже к началу 1904 года эти разрозненные кружки начинают объединяться, вступать в связь друг с другом и, наконец, создают городскую организацию, в которую входят кружки многих учебных заведений города, принимая название «Союз воронежских учащихся».

Документы и воспоминания говорят о вхождении в этот союз учащихся таких учебных заведений—как реальное училище, гимназия, духовная семина

рия, Мариинская женская гимназия, фельдшерская школа и даже епархиальное училище.

Этот союз имел свою платформу, устав и даже печать.

Какие цели ставил себе союз?

У нас имеется воззвание, — декларация этого союза, в свое время обошедшее почти все учебные заведения. Это очень интересный документ и поэтому мы считаем необходимым привести из него несколько цитат.

В заголовке этого возвания стоят два лозунга: «Да здравствует молодая Россия» и «Товарищи, объединяйтесь».

Вот как определяют воззвание те главные причины, к торым побудили учащихся создать этот союз:

«Этой, отжиавшей век школе мы противолоставляем наше организованное товарищеское объединение, как школу, подготавливающую нас к новой сознательной и свободной жизни и к борьбе за нее. Здесь, помогая и поддерживая друг друга, мы будем выработать свое мировоззрение и изучать теорию и программы существующих революционных партий».

«...Мы в целом, — говорится далее в этой декларации, — не примыкаем ни к одной из существующих революционных партий в качестве активных работников, потому что ставим своей целью только выработку своего мировоззрения и подготовку к революционной деятельности». Но «мы также не исключаем из своей среды товарищей, выработавших определенное мировоззрение и примкнувших к какой либо революционной партии»...

Вот те основные принципы, которые легли в основу организации союза. В своем уставе эти принципы союзом еще более конкретизированы. В нем же, между прочим, установлена была и программа деятельности союза. Она предусматривала объединение существующих кружков, содействие в организации новых, издание органа, регулирование правильного и постоянного обмена нелегальной литературой, выпуск, по мере надобности, листов и воззваний и устройство массовых сходок и собраний.

Организационная структура этого союза была такова: основной ячейкой был кружок в том или другом учебном заведении, который выделял одного или двух своих членов в Центральный комитет союза, который являлся основным руководителем.

Между прочим, устав имеет три пункта, незаполненных по конспиративным соображениям.

Оба эти документа—воззвание и устав—представляют из себя полулисты обыкновенной писчей бумаги и отпечатаны на пишущей машинке, без употребления твердого знака. На документах приложена печать союза овальной формы.

Союз начал свою работу, союз поднял среди учащих тревогу, призывая их присоединиться к общему революционному движению, которое широкой волной начало разливаться по всей стране. Наиболее активная часть учащих выдвинулась в руководители.

Это, конечно, не было оставлено без внимания ни училищным начальством, ни охранкой. Началась слежка, началось усиленное наблюдение, начались обыски, аресты.

Полиция принимает меры.

Ночью 19 февраля 1904 года, как сообщает донесение жандармского полковника в департамент полиции, были произведены обыски у организаторов

и руководителей кружков учащейся молодежи, а также лиц, замеченных в сношениях с ними*.

Обыску подверглись: Россоловский Иван Эдуардович, Лосев Василий Николаевич и его квартирант Лбов Иван Григорьевич, б. студент Минаев Николай Иванович, затем состоящий под особым надзором полиция Анисимов Александр Николаевич, Часовников Дмитрий Иванович и гостивший у него Корякин Борис Кириллович, окончивший Воронежское реальное училище Неутратов Федор Павлович и ученик 7-го класса Вор. губ. гимназии Берг Николай Ефремович.

Всего, таким образом, было обыскано 9 человек, имевших отношение к существовавшим тогда в Воронеже ученическим революционным организациям.

Это же донесение сообщает о результатах произведенного обыска.

Из всех этих обысканных лиц только у четырех были найдены компрометирующие их документы.

У Анисимова была найдена грифельная записная книжка. В ней было записано несколько слов, по которым можно было судить только о его революционной настроенности. Там были записаны названия нескольких революционных газет («Искра», «Красное Знамя») и книг.

У Часовникова был найден гектограф «со следами недавнего употребления его в дело», отпечатанная на гектографе прокламация Воронежского комитета с.-д. партии и затем отпечатанные резолюции 2-го съезда Р. С. Д. Р. П.

Но особенно большую жатву получили охранники у Корякина. У него нашли медную печать «Воронежской с.-д. кассы борьбы», много прокламаций, нелегальных журналов и книг.

У Неутратова был захвачен каталог нелегальной библиотеки, нелегальные книги и запись на клочке бумаги: «как восстановить после реакции хлористый кальций». Последняя запись, повидимому, навела на мысль

полицию, что Неутратов занимался изысканиями взрывчатых веществ для террористической деятельности.

У остальных обысканных ничего „явно-преступного“ не было найдено.

После обыска—Анисимов, Неутратов, Часовников и Корякин были арестованы и посажены в тюрьму.

Между прочим, из этого же донесения мы узнаем, что еще в 1903 году Анисимов привлекался по делу Городничева, после чего он, очевидно, и был взят под особый надзор полиции, вплоть до этого ареста.

В эту же ночь, как видно из другого донесения, были обысканы две сестры ученицы Воронежской земской фельдшерской школы Лия и Эльза Гдалиевны Грушко, но, повидимому, у них при обыске ничего найдено не было.

После ареста этих четырех лиц было приступлено к производству дознания, вести которое было поручено ротмистру Федоренко.

Документы жандармского управления указывают на то, что все эти лица принадлежали к РСДРП, при чем часть входила в Воронежский комитет партии, а часть в „кассу борьбы“. Эти же документы говорят, что Анисимов, Лосев и Минаев с осени 1903-года действительно вели революционную пропаганду, занимаясь вербовкой членов среди учащейся молодежи, лично руководили собраниями кружков, на которых происходили чтения нелегальной литературы.

Кто же были эти лица, арестованные полицией? Вот какие сведения мы имеем о них по документам жандармского управления.

Отец Неутратова был кассиром товарной станции Воронеж, сам он только в 1903 году окончил Вор. реальное училище. Естественно, что связи с училищем у него еще были сильны. Существовал он тем, что давал частные уроки.

Борис Корякин был чиновником Воронежской казенной палаты.

Часовников был учеником 8-го класса Воронежской гимназии.

К сожалению, мы не имеем никаких сведений об Анисимове.

Итак, все эти четыре лица были привлечены к дознанию. Что оно дало? Очень немногое. Анисимов, Корякин и Часовников „отказались от дачи каких бы то ни было сведений“. Неутратов показал, что все отобранное у него при обыске было им получено от Анисимова, а Часовников заявил, что гектограф, найденный у него, принадлежал его покойному отцу. Больше охранникам в этот раз ничего не удалось выпытать.

В донесении департаменту полиции от 11 марта сообщается о предполагаемых обысках, при чем упоминаются ученицы 8-го класса Воронежской Мариинской гимназии—Мария Нефедова, Серафима Потокина и Марии Райцис, у которых по агентурным сведениям охраны должна была находиться нелегальная литература.

Такова та первая страница революционной деятельности учащихся, записанная охранкой. Нечего говорить, конечно, о том, что сведения эти скудны и односторонни. Широкой картины движения учащихся они не дают. Мы имеем здесь только руководителей движения среди учащихся и некоторых активных учащихся. О массовом же движении среди учащихся сведения очень скудны, их дополнить могли бы только живые участники этих движений, но многие из них или погибли в борьбе, или так разбросаны по Союзу Республик, что отыскать их почти не представляется возможным.

Где существовали кружки.

Где же концентрировались эти кружки учащихся и что они делали?

В одном из донесений департаменту полиция сообщаются „подробные“ сведения об организации в Воронеже таких кружков.

В нем говорится, что в охранке еще в половине ноября 1903 года имелись сведения об организации среди учащейся молодежи г. Воронежа „нескольких кружков“ саморазвития и что главными организаторами и руководителями этих кружков являются Анисимов и Россоловский.

Кружок Россоловского состоял из „нескольких учениц бывш. Марининской женской гимназии и воспитанников 7-го класса реального училища“. Потом руководство этим кружком перешло к „писцу Вор. губ. земской управы“ Лосеву, а Россоловский занялся организацией кружка среди местных семинаристов.

Донесение подробно перечисляет „какие книги читались в кружке Лосева“. Тут были и „Исторические письма Миртова“ и „ответы на письма Миртова“ — Корсакова, „Манифест коммунистической партии“, газета „Искра“, роман Чернышевского „Что делать“, „Позвольная Россия“ Степняка и пр.

Помимо этого кружка существовал кружок Мишаева из учениц той же Марининской гимназии и затем кружок Карсницкой из учениц фельдшерской школы.

Повидимому Анисимову принадлежала руководящая роль в организации этих кружков, так как охранкой было установлено, что вся нелегальная литература для этих кружков поступала через него. Очевидно, он имел хорошую связь с тогдашними подпольными организациями. Прямых указаний в документах жандармского управления о принадлежности Анисимова к той или другой партийной организации нет, но по некоторым указаниям можно судить, что он был социал-демократ.

Таким образом, в руках охранки мы видим все нити этих кружков. Агентура пущена в ход и в ре-

зультате 16 марта полиция производит, в связи с делом вышеназванных 4-х арестованных, вторичный обыск у Росоловского, Лосева, Минаева и др. В это же время был произведен обыск у ученицы Марининской гимназии Марии Райцис, принадлежавшей к кружку Лосева. Из кружка Минаева был произведен обыск у Серафимы Потокиной. У них, как указывалось уже выше, охранка предполагала найти нелегальную литературу. Но эти предположения не оправдались. Обыск оказался безрезультатным.

В результате этого обыска полицией были арестованы трое руководителей кружков учащихся: Росоловский, Лосев и Минаев.

Таким образом мы видим, что кружки учащихся остались без руководителей—полиция пыталась действовать наверняка, отсекая у революционного движения учащихся самую головку.

Из всех арестованных наиболее слабым оказался Неутратов. На дознании охранка выпытала у него некоторые сведения о Городничеве Николае Алексеевиче, окончившем в 1903 году Воронежскую фельдшерскую школу и дававшем на своей квартире приют для собраний кружка учащихся фельдшерской школы.

Эти сведения на этот раз особенно серьезным ничем не грозили Городничеву, но за ним на этом основании полиция установила особый надзор.

Точно также у Неутратова были выпытаны некоторые сведения о Шаталовой Лидии Семеновне, которая по показаниям Неутратова, как об этом говорят документы жандармского управления, была руководительницей кружка учениц Марининской гимназии.

Осенью 1904 года деятельность этих кружков повидимому, ослабла. Отчасти может быть на их работу повлияли начавшиеся репрессии полиции. Во всяком случае союз учащихся должен был выпустить

воззвание, указывающее учащимся на необходимость отказаться от «спячки, инертности и сумерек» и сплотиться вокруг союза.

Воззвание отмечает нарастание революционной волны и, между прочим, говорит:

«...так неужели, же мы останемся в стороне от этого великого могучего потока народных движений.

Неужели мы не отдадим всех своих сил, всей своей энергии на борьбу за братство, равенство, свободу».

Это воззвание, вылущенное в октябре, было размножено уже более совершенным способом — отпечатано на гектографе на полулисте обыкновенной писчей бумаги, буквами, выведенными по печатному, отчасти напоминающими церковно-славянский стиль.

В конце воззвания стоит: «просим распространять».

Таким образом мы видим, что кружки учащихся уже в 1904 году существовали из учащихся Мариинской женской гимназии, фельдшерской школы, духовной семинарии и, повидимому, из учащихся губернской гимназии. Численности этих кружков, к сожалению, мы не знаем, не имеем мы также никаких сведений о партийной их физиономии. Но в общем можно сказать, что в этих кружках учащиеся только выковывали себе свое революционное мирозерцание путем чтения соответствующей литературы, не выбирая еще строго между тем или другим революционно-партийным течением.

Дифференциация кружков учащихся.

1905 год нас вводит в атмосферу уже более гущенную в революционном отношении.

Революционное движение среди учащихся растет и ширится, захватывая новые учебные заведения.

Ясно, что нарастание общей революционной волны в то время в стране непосредственно отражалось также и на революционизировании учащейся молодежи.

В этом году возникают и крепнут революционные кружки учеников Воронежского реального училища. Собственно зародились они еще в 1904 году. Документы жандармского управления говорят о том, что о таких кружках реального училища еще осенью 1904 года было осведомлено министерство народного просвещения.

С этого момента охранка уже начинает усиливать свое наблюдение за реальным училищем.

В феврале 1905 года анонимное письмо в охранку сообщает о состоявшемся в квартире некоей Мартыновой сходке реалистов под руководством доктора Гинсбурга, врача реального училища.

В марте-апреле месяце охранка ведет негласное наблюдение за реалистами Бирштейн, Шкловским, Гиждеу и Чичикановым, а позднее и за реалистом Розенбергом.

Документы говорят о том, что эти разрозненные кружки учащихся начинают вступать уже в связь между собой, что подтверждает и вездесущая охранка.

К началу 1905 года в г. Воронеже уже существовала довольно прочная и многочисленная группа учащихся, в которую пока входят с.-д., с.-р. и даже анархисты. Однако такое „сожительство“ оказывается весьма нежизненным и в процессе начавшейся дифференциации из общего количества выделяется воронежская с.-д. группа учащихся во главе с Бор. Васильевым, Подтынниковым, Конст. Андреевым. Кроме перечисленных товарищей в эту группу входят: т. Фрейтков, т. Бирштейн Павел, т. Лызлов Мих., т. Поляков Влад., Поляков Николай, Мартынов Лев., Затекин Пав., Арефьев Мих., Семеновский (хромой), Никитина, Самецкая, Борисевич, Тамаркин, Хрюкин

и ряд других товарищей, имена и фамилии которых в данный момент трудно восстановить в памяти. Эта с.-д. группа была, если смотреть на дело совершенно объективно, значительно сильнее как в количественном, так и особенно в качественном отношении группы учащихся эс.-эров, во главе которых стоял в то время тов. Подгорный, ученик фельдшерской школы.

В период начальной формации вся группа была разбита на ряд кружков по изучению политекономии и программных вопросов партии. С Бахом, Карташевым, Богдановым, Дикштейном, кратким изложением учения К. Маркса почти не расставались, заучивали особо важные страницы чуть ли не наизусть, конспектировали изученное, писали рефераты. Цель этих кружков была подготовить пропагандистов как для работы среди учащихся, так и среди рабочих, связь с которыми только что начинала налаживаться. Наряду с экономическими вопросами и вопросами программы, большое внимание уделялось изучению истории культуры, истории религии. Самыми популярными книгами по указанным вопросам были: Липперт—история культуры и Мензис—история религии, Лафарг и др.

Временами устраивались дискуссии с с.-р. (учащимися) и все эти дискуссии отличались большой страстностью. Молодые, еще только формирующиеся марксисты, с крайним ожесточением нападали на эс.-эров, словно чувствуя в них будущих перебежчиков в лагерь буржуазии.

Работая в кружках, готовясь к пропагандистской деятельности, учащиеся, в глазах многих еще «зеленая молодежь», постепенно приближались к крупным революционным событиям, которые, это чувствовали все учащиеся, становились все более и более реальными.

Было ли к тому времени определенно выражен-

ное деление на меньшевиков и большевиков, были ли поняты мотивы расхождения? По нашему мнению и из тот и на другой вопросы можно ответить утвердительно.

Напряженная борьба, которая происходила в партии накануне 1905 года среди большевиков и меньшевиков, долетела и до организации учащихся, заставляя их по мере сил разбираться, кто же прав — Мартов, Плеханов или Ленин.

Однако, группа большевиков, если левое крыло с.-д. орг. учащихся можно было уже в тот ранний период так назвать, была по количеству меньше. Во главе этой группы стоит Бор. Васильев, а во главе меньшевиков — Подтынников и Бирштейн.

На «сражения» левое и правое крыло с.-д. группы являлись во всеоружии: первые пускали в дело «Вперед», а вторые «Искру».

Между прочим, «с.-д. группа учащихся» в начале 1905 года выступила со своей пространной прокламацией «ко всем учащимся г. Воронежа». Эта прокламация была отпечатана в подпольной типографии, хранившейся у члена воронеж. организации с.-д. партии Копылова Александра Владимировича. К слову сказать, эта типография 11 февраля 1905 года «провалилась». Охранка пронюхала ее и при обыске она была найдена, а сам Копылов был посажен в тюрьму.

Из этого воззвания мы, между прочим, узнаем, что с.-д. группа учащихся находилась вне «союза воронежских учащихся» и даже в состоянии некоторой борьбы с ними.

Нужно сказать, что влияние этого беспартийного «союза учащихся» к 1905 году, видимо, значительно ослабло. Хотя и небогатая революционная практика учащихся к 1905 году уже показала многим, что активно участвовать в революционной борьбе

можно было только примыкая к той или другой революционной партии.

Как видно из этой прокламации, «союз учащих» был одержим боязнью определенной партийной окраски. Руководители этого союза считали, что учащимся «еще рано примыкать к той или другой партии, нужно самим разбираться в партийных разногласиях», а потом уже присоединиться к какому-нибудь партийному течению.

Соц.-дем. группа в своей прокламации считает необходимым принять партийную окраску, мотивируя это тем, что «считающие себя беспартийными воспринимает общественные знания всегда с известной окраской». «Общественная наука по необходимости выражает взгляды и идеи господствующего в данный момент в обществе класса, а потому беспартийной общественной науки и быть не может». «Мы приглашаем, говорится далее в прокламации, изучить общественные науки и выработать миросозерцание с точки зрения пролетариата на основе научного социализма».

Это воззвание, между прочим, интересно и в том отношении, что оно определенно подчеркивает неудачу народнических тенденций и обоснованно выдвигает марксизм, как основу новых форм политической борьбы.

«Народники, — говорится в воззвании, — не встретили сочувствия в темной невежественной массе крестьянства и освобожденное интеллигентское движение закончилось террористической вспышкой и было раздавлено. Россия, повидимому, вновь погрузилась в непробудный сон. Но это только повидимому. Экономическое развитие страны выдвинуло на арену общественной жизни новый класс — пролетариат и с

тех пор освободительная борьба принимает новые формы».

«За последние годы раздался грозный и могучий голос всего российского пролетариата, покрывающий собой все нерешительные просьбы и пожелания русского интеллигентного общества. Рабочий класс в Петербурге, Варшаве, Риге и др. городах кровью запечатлел свои требования».

Это воззвание, отпечатанное типографским способом, уборым шрифтом, на одной стороне листа, не только облетело городские воронежские учебные заведения. Документы губернского жандармского управления нашли его следы и в уездах.

В январе 1905 года атмосфера все более и более сгущается. Учиться в средней школе почти нет возможности. Из центра идут сведения о забастовках, приходят известия о кровавых событиях 9-го января. Об этом времени участница революционного движения т. Васильева (Никитина) пишет так: «Первые раскаты 1905 года застали меня на ученической скамье. Я кончала епархиальное. В начале января даже в это убогое монастырское заведение стали проникать брошюры, фотографии расстрелянных в Питере рабочих, шедших к царю, и прокламации. С первой прокламацией за пазухой я промчалась бурей с 3-го этажа в свой класс, чтобы ускользнуть от преследовавшей меня шпионки классной дамы. Это было воззвание Воронежского комитета РСДРП о событиях 1905 года. С этой прокламацией я не расставалась ни на минуту до самого окончания училища. В это время я уже была знакома с целым рядом полулегальных и нелегальных книг: сочинения Белинского, Герцена, Бакунина, журнал «Былое», «Пауки и мухи», «Липочка-половна» и др. Из-под полы мы читали либеральные газеты, что было строжайше запрещено даже нашим воспитательницам. Особенно заманчив был

в этих газетах изоповский язык, поветствовавший о конституциях и свободах. Я уже имела представление о том, зачем бастуют студенты и рабочие и зачем царь стрелял в народ.

Как только я выбралась из стен епархиального, сейчас же стала готовиться в 7-й класс гимназии, во-первых, для того, чтобы уехать из деревни, во-вторых, для того, чтобы иметь возможность попасть в университет.

Летом, помню, в наших селах объявили о Булыгинской Думе, вызвавшей всякие толки среди интеллигенции. Что касается крестьян хохлов, то они реагировали на это иначе: захватами лугов и отравками помещичьих и церковных посевов. В Воронеж я попала уже после окончания ученической забастовки. Целые ночи просиживали мы за горячими спорами и ралужными прозитами. Революция бродила в нас, как молодое вино. Некоторые, самые пылкие из нас, шли с перочинными ножами в боевые дружины, которые организовались из рабочих под руководством социал-демократического комитета.

Зародились, как грибы после дождя, профсоюзы. Дом на углу быв. Старо-Московской и Мясницкой улиц против Б. с. театра гудел, как улей. Здесь был штаб профсоюзов. Сюда переведен был и неуловимый нелегальный комитет с.-д. Здесь шли длинные заседания и диспуты.

Помню, с какой таинственностью «пробирались мы на окраину города по паролю на первое ученическое собрание, которое состоялось в подвале при одной скверной керосиновой коптилке.

Потом мы бегали на явки, организовывали кружки, ходили с подписными листами, продавали литературу. В первые же месяцы работы я перешла в распоряжение Воронежского комитета с.-д для помощи в технических надобностях: переноска и укрывательство литературы, печатание воззваний, перетас-

кивание шрифтов и пр. Вечер, когда я получила от комитетчика револьвер и пароль для добывания шрифта в нелегальной типографии, был моим боевым крещением. Разумеется, я на другой же день явилась в училище с револьвером и попугивала кое-кого из товарищей из-под парты. Это было в начале 1906 года».

Этот отрывок мы приводим для того, чтобы характеризовать отражения событий того времени в среде женской части учащихся.

Забастовка, вспыхнувшая во всей России, как протест против „царской милости“ рабочим, за которую последние заплатили сотнями жизней, вызвала политическую забастовку среди учащихся г. Воронежа. С пением похоронного марша учащиеся вышли на улицу, но, конечно, «услужливые» жандармы и полиция разогнали демонстрацию, при чем арестовать им кого либо на этот раз не удалось. Вечером группа собралась в одной из конспиративных квартир, которая, к слову сказать, помещалась в центре города, в доме Мартынова по Садовой улице, что против здания, которое недавно занимал Губсовнархоз. Решено было выпустить прокламации к рабочим, в которых объяснялись бы события 9 января.

У группы к этому времени было несколько полос гектографа, который хранился на одной из конспиративок, на Чижевке, близ свечного завода. Проработали всю ночь напролет и к шести часам утра было изготовлено штук 500 листовок, которые были распределены между членами группы, которые и отправились клеить и просто разбрасывать по городу— в районе вокзалов, заводов Столля, Иванова и на базарах. Конечно, не все экземпляры этого воззвания попали в руки рабочих, но все же, когда на другой день пришлось быть на одной из рабочих явок, выяснилось, что в среде рабочих имеется значительное количество прокламаций. Кроме улицы, воззвания бы-

ли разбросаны по всем средне-учебным заведениям. Под выпущенными листовками была подпись: „Воронежская с.-д. группа учащихся и печать этой же группы.“

В связи с событиями 9-го января с. д. группа учащихся устроила ряд докладов, из которых в памяти сохранились только два: „9-е января, как поворотный пункт в истории рабочего движения в России“ и „Пути рабочего движения“.

Все эти доклады горячо дебатировались и в процессе этих дебатов уже начали мало по малу выявляться правое и левое крыло. В указанный период у группы еще не было прочной связи с воронежской организацией, которая о существовании ее, конечно, знала, но не могла уделить ей кого либо из старых марксистов для постоянного руководства, ибо сама остро нуждалась в работниках, как в пропагандистах, так и организаторах,

Однако, когда из Москвы приезжали инструктора, то иногда они бывали и на собраниях группы. С каким священным трепетом смотрели учащиеся на этих товарищей. Да и как же иначе, ведь они оттуда, из центра, где сосредоточена душа партии, душа зреющей революции.

Буквально каждое слово этих товарищей записывалось.

От этих товарищей, да и от старших товарищей из вор. орган. группа узнала, что готовится 3 й с'езд партии. Уделяя этому событию большое внимание, члены группы старались установить, какое же течение возьмет верх на этом с'езде. Точных данных о соотношении сил между большевиками и меньшевиками и у группы не было, ибо приезжие организаторы из центра освещали этот вопрос в зависимости от того, каких взглядов они сами придерживались, а Воронежский комитет того времени был довольно неопределенного состава, хотя все же в нем было

незначительное и неустойчивое меньшевистское большинство.

Когда было получено известие, что 3-й съезд прошел под знаком большевизма, левое крыло группы шумно торжествовало победу своей точки зрения, ибо оно все же брало на себя смелость считать себя крылом большевистским. После съезда на собраниях группы выдвинулся аграрный вопрос, который подвергался широкому обсуждению, дискуссии, ибо после съезда в группе было сильно заметно влияние меньшевистских тенденций.

Участие в рабочем движении.

Мы не имеем сведений о связи „группы с.-д. учащихся“ с Воронежским комитетом РСДРП, но некоторые документы косвенно указывают на то, что группа оказывала поддержку Воронежскому комитету партии, в частности и материальную. Так, еще в декабре 1904 года, с.-д. Тамаркиным был устроен с разрешения воронежского полицмейстера платный спектакль в здании Воронежской ремесленной Управы.

„Собравшаяся на этот спектакль с платой за вход публика до 200-т человек—сокрушается в одном из документов охранка—состояла исключительно из лиц, находящихся под негласным наблюдением, и вошедшей с ними учащейся молодежи во главе с известным департаменту Дмитрием Александровичем Перелешиним и женой доктора Софьей Александровной Мартыновой. Собранные с этого спектакля деньги, повидимому, поступили на нелегальные расходы Воронежского комитета РСДРП“,—с огорчением добавляет тот же документ. Но документы жандармского управления с несомненностью доказывают, что в организации с.-д. движения среди учащихся Воронежский комитет РСДРП, начиная с 1904 года, принимает деятель-

ное участие. В частности, из одного донесения полковника Тархова от 28 февраля 1905 года видно, что многие члены революционных кружков учащихся и их руководители принимали деятельное участие в начинавшем разрастаться в г. Воронеже рабочем движении. Это донесение упоминает студента Харьковского университета Сазонова Николая Петровича, принимавшего, между прочим, участие в революционной агитации среди учащихся, Красницкую, Городничева, Часовникова, Анисимова, Россоловского, Мишаева, Лосева, доктора Гинсбурга, Лбова, а также окончившую в 1904 году Воронежскую Марининскую гимназию Марию Ивановну Нефедову.

В марте и апреле филерами охраны ведется тщательное наблюдение за семинаристом 6-го класса Николаем Ивановичем Поповым, реалистами Гиждеу и Чичикановым, затем за Кривобоковым, Л. Махновец и Юлией Махновец, Семихатовым, Зелкинд, Бирштейн, реалистом Розенберг, Войеховичем, Шкловским, Сазоновым, Мартыновой и врачом Меркуловой.

Даже при выезде Попова в Задонск за ним от Воронежского губернского жандармского управления учреждается „совершенно секретное и неотступное наблюдение“, впрочем ничего охране не давшее.

Повидимому, в связи с этим, даже за родственниками Попова установлено было особое наблюдение, также ничего не давшее.

1-е мая 1905 года.

Сестры Махновец и семинарист Попов.

Нам хочется несколько подробнее остановиться на организации празднования 1-го мая в 1905 году и, главным образом, на участии в этом праздновании революционной учащейся молодежи.

Нужно сказать, что в этом году, собственно го-

впервые, в России достаточно широко подготовилось это празднование. Во всех уголках России революционные партии деятельно готовились к нему, придавая удачному проведению этого праздника большое значение, так как имелось в виду на этом празднике путем демонстраций учесть, насколько готов пролетариат к более серьезным выступлениям.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы губернского жандармского управления останавливаются особенно подробно на подготовке к празднованию 1-го мая.

Нужно сказать, что к этому времени некоторые, наиболее активные представители революционной учащейся молодежи уже принимали участие в руководстве движением рабочих. Таким представителем был, например, Попов Николай Иванович, ученик духовной семинарии, за которым, недаром, охранка так настойчиво следила. Материалы охранки приписывают ему большую роль в организации празднования 1-го мая, а также двум сестрам — Юлии и Лидии Махновец. Эти три лица являлись главными руководителями кружка рабочих заводов: Веретенникова, Гаусмана и Воронежских мастерских Ю.-В. ж. д. Под руководством этих трех лиц устраивались сходки и собрания рабочих в разных местах города.

Между прочим, 20 апреля утром в лесу за Ботаническим садом была устроена сходка, на которой обсуждался вопрос об организации первомайского празднования и устройства демонстрации. Многие из участников сходки, как говорят документы, были вооружены револьверами.

Такие же сходки, с теми же целями и там же, были устроены 23 и 24 апреля. На этих сходках присутствовало свыше 60-ти человек. Активную роль на этих сходках принимали сестры Махновец и Попов, который обыкновенно приносил на сходки нелегальную литературу, читал ее вслух и объяснял слу-

шателю, а часть этой литературы раздавал рабочим для чтения дома.

Из учащих, принимавших участие в этих сходках, охранка отмечает семинаристов—Крылова, Высоцкого, Шарова, реалиста Гиждеу и ряд других, сведений о которых в охранке не имелось.

На сходках перед 1-м мая Юлия Махновец и Попов настаивали на обязательном устройстве уличной демонстрации.

Как говорят имеющиеся документы, план празднования 1-го мая был выработан и принят по предложению Ю. Махновец и Попова такой: в 7 час. утра около Кольцовского сквера должны были собраться приказчики магазинов и др. торгово-промышленных заведений г. Воронежа. Отсюда собравшиеся должны были идти по городу и убеждать не вышедших на демонстрацию присоединиться к ним и даже силой закрывать магазины тех владельцев, которые не пожелают добровольно прекратить торговлю. К этой демонстрации должны были присоединиться рабочие и выкинуть красный флаг и все вместе пойти по городу. По окончании демонстрации Махновец предложила пойти за город, где на даче одной из ее знакомых участникам демонстрации должен был быть предложен чай.

Как же прошла на самом деле эта демонстрация?

Естественно, что, получив такие сведения, полиция приняла все меры к тому, чтобы помешать демонстрации. Частично это ей удалось: приказчики на демонстрацию не вышли, но рабочих около сквера собралось около тысячи человек, которые находились «в ожидательном настроении, как бы поджидая руководителей».

А что же делали руководители?

Попов еще с раннего утра вышел к месту назначенного сбора—к Кольцовскому саду—и ходил по

прилегающим улицам и площадям в ожидании, когда соберется достаточное количество демонстрантов.

Но около 9-ти час. утра Попов был задержан полицией и обыскан. При нем нашли красный бумажный флаг с надписью 1-е мая, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и на другой стороне «Социал-демократическая рабочая партия». Попов, конечно, был арестован.

Так была сорвана полицией первомайская демонстрация. Демонстранты, среди которых было много учащихся, разошлись по домам и за город.

В следующую часть дня, как сообщает документ жандармского управления, «как в городе, так и за городом проявления демонстративных действий и вообще беспорядков не было».

После первомайской демонстрации полицией был произведен ряд обысков, не давших особенных результатов, арестован был один Попов.

11 мая Попов был освобожден под залог в 3.000 руб. и уехал в Задонск.

Сходки на даче Бринимана.

31 мая полковник Тархов доносит департаменту полиции о многочисленных, лохотящихся до 300 человек, собраниях, устраиваемых на даче Бринимана (в Троицкой слободе). Эти собрания происходили под предлогом устройства любительских спектаклей. Руководил этим собранием, как сообщается в донесении, чрезвычайно опытный «человек, приехавший из Варшавы», под кличкой «Гришка».

Ясно, конечно, что эти собрания не остались незамеченными охранкой. Для слежки были высланы филеры, но им ничего не удалось выяснить по условиям местности, как говорит донесение, и благодаря принятым со стороны собирающихся мерам, были вы-

ставлены ими свои наблюдатели у окон, ворот и дверей дачи, а также и по дороге.

Между прочим, на этих собраниях мы встречаем знакомых нам лиц: Анисимова, Александра Николаевича, Городничева, Часовникова, Корякина, дантистку Зелкинд, врача реального училища Гинсбург, реалистов Гиждеу, Розенберга, учащуюся Воронежской фельдшерской школы Шлялоберскую и др.

Судя по этим лицам, нужно полагать, что учащиеся принимали в этих собраниях деятельное участие. Деятельное участие в этих собраниях принимала и некая Войехович Е. Ф., которая также предоставляла для сходов учащихся свою квартиру, находясь в тесных сношениях с Воронежским комитетом РСДРП.

Очевидно, у нее на квартире собирались социал-демократические группы учащихся.

Такие большие собрания, конечно, не могли долго продолжаться.

По приказанию полковника Тархова ночью 25 июля у наиболее активных участников этих собраний были произведены обыски, которые закончились целой серией арестов. В эту ночь из учащихся были арестованы Юлия Махновец *), семинарист Попов и реалист Гиждеу, хотя ничего компрометирующего у них и не было найдено, за исключением Юлии Махновец.

Между прочим, один из документов губернского жандармского управления, а именно—донесение полковника Тархова воронежскому губернатору—приводит сведения о революционном движении учащихся, которые несколько расходятся с некоторыми данными, приведенными нами выше. Так, в этом документе, например, указывается, что Воронежский союз уча-

*) Сестра ее Лидия в это время была в отъезде и только потому не была арестована.

щихся» существовал при Воронежском комитете РСДРП (искровцы), между тем, как мы знаем, что этот союз был беспартийным и, как указывает приведенная нами выше выдержка из прокламации с.-д. группы учащихся, последние находились с ним в оппозиции.

В этот союз, как сообщает документ, входили учащиеся разных учебных заведений, в том числе и реалисты. Они собирались на квартире Рудакова Дм. Фед. (Острожный бугор, № 5), Королькова Ив. Ильича (служ. Губ. земск. управы) и жены врача Мартыновой Соф. Александровны.

Более подробных сведений полиции о союзе учащихся не удалось достать, не удалось выяснить руководителей этого союза, несмотря на все принятые меры. Не удалось это потому, что полиция не смогла проникнуть в среду учащихся вследствие полной невозможности приобрести агента из учащихся местных учебных заведений.

Наконец, последний, имеющийся в нашем распоряжении, документ за этот период, говорит о начавшейся 20 сентября 1905 года забастовке учащихся всех классов духовной семинарии.

Мотивы забастовки известны из петиции учащихся, в которой они требовали изменения режима в семинарии, предоставления учащимся самоуправления и проч.

По мнению полиции, агитацию за забастовку вели: Мартынова, Войехович, Алмазова, Воронин и Белов.

У нас нет сведений, кто из числа семинаристов был душой и организатором этой забастовки, но семинарское начальство причисляет к ним: Мухина, Смирнова В., Меццержкова, Садовского Ив., Агеева, Романова, Апполосова, Сланского, Морейского, Мамонтова, Голубатникова, Ксенофонтова и Зеленского Ивана, т. е. лиц, впервые встречающихся в документах о революционном движении среди учащихся.

Последующие этапы движения.

Постепенно время подошло к октябрю. Началась Всероссийская политическая забастовка, в которой и с.-д. группа учащихся приняла близкое участие, плечо к плечу с рабочими. Казалось, что самодержавие потеряло свою опору и победа в руках восставшего народа. Рисовались планы один заманчивее другого. В это время с.-д. группа учащихся выпустила воззвание к учащимся с призывом поддержать забастовку. Это воззвание очень коротко, но чрезвычайно интересно по содержанию, поэтому мы приводим его целиком.

„Товарищи учащиеся!

Манифестом 17 октября были «дарованы» уже ранее взятые пролетариатом свободы: слова, собрания, союзов и неприкосновенность личности. Но, товарищи, правительство произвола и нагайки, в продолжение целых веков подавлявшее всякое проявление свободной мысли в опекаемой им стране и могущество которого основывалось на невежестве масс, не могло и не хотело провести в жизнь эти свободы. Оно нагло пограло их. Вместо свободы слова оно закрывает лучшие газеты, вместо свободы собраний разгоняет их, вместо свободы союзов грозит тюрьмой за участие в них, вместо неприкосновенности личности арестовывает совет рабочих депутатов в Петербурге, членов крестьянского союза в Москве, избивает рабочих и учащихся во всех городах России. Но пролетариат не допустил нарушения своих прав. Конференция депутатов от 29-ти железных дорог совместно с Центральным Бюро Всероссийского железнодорожного союза, присоединившись к постановлению совета рабочих депутатов Петербурга и Москвы, объявила 7 декабря всеобщую забастовку, требуя созыва Учре-

дительного собрания, как условие, при котором только возможно осуществление его политических и экономических требований. Мы, учащиеся, относившиеся всегда сочувственно к борьбе пролетариата за свободу, необходимую для всего русского народа, и доказавшие это в предыдущую политическую забастовку, не должны обойти молчанием и теперешнюю решительную схватку пролетариата с гнусным, отжившим самодержавием. Товарищи, докажите еще раз свое сочувствие и готовность поддеживать пролетариат в его борьбе за лучшее будущее, объявив совместно с ним политическую забастовку. Товарищи, не время заниматься, когда может быть сейчас в воздухе свистят пули и нагайки и льется кровь борцов за свободу.

Да здравствует ученическая забастовка!

Воронежская с.-д. группа учащихся».

Но скоро кошмарная действительность заставила более трезво взглянуть на вещи.

Конец октября (приблизительно 23-го) ознаменовался в г. Воронеже, как и по всей России, еврейскими погромами, во время которых наряду с евреями громили и революционную интеллигенцию. В противовес шайкам хулиганов из «союза русского народа» с.-д. группа учащихся организовала небольшие боевые группы, к слову сказать, очень плохо вооруженные, которые и были сосредоточены в районах, где жили евреи. Правда, крупного боевого значения эти группы не имели, но все же удалось отстоять от разгрома ряд еврейских квартир. Так, одной такой группе пришлось быть в двух местах—около гостиницы быв. „Гранд-Отель“, что на углу бывш. Щепной площади, где они успешно отбили нападение хулиганов и второе—в бывш. Тулиновском пер., напротив здания Марининской гимназии, в доме, где жил настройщик Михайлов. В этом месте эту группу смяли, участников ее жестоко избили, а одного то-

варища-еврея, фамилия которого, если не ошибаемся, Берг—убили железным болтом. Всем погромом руководил пристав Дворянской полицейской части Ларионов, в которого после, приблизительно в 1907—1908 году, стрелял один с.р., но, к сожалению, безрезультатно. Один из товарищей, избитый до потери сознания жандармами, умер в земской больнице. Группа решила устроить ему революционные похороны и, вынеся его гроб из больницы, направилась с пением похоронного марша по бывш. Большой Дворянской улице. Однако около дома губернатора ее встретил отряд конных полицейских во главе с Ларионовым и преградил путь. Процессия свернула мимо бывш. Кадетского плаца и через бывш. Сенную площадь направилась к кладбищу. Но и здесь процессию не оставили в покое те же конные опричники, налетели на нее, выбили гроб из рук несших, так, что труп погибшего товарища почти выпал из гроба; только после этого гнусного издевательства вся эта банда оставила демонстрантов в покое и они смогли донести тело товарища до могилы, которую почти всю обвили красными лентами, при чем одну прикрепили на верхушке дерева. Ленты эти, конечно, на другой же день сорвали охранники, но на дереве все же одна оставалась и, как звездочка, как призывный маяк, указывала всем тем, кому дорог был этот цвет, цвет пролитой крови во имя революции, могилу одного из незаметных героев.

После широкой волны кровавых погромов, прокатившихся по всей России, не миновавших и нашего Воронежа, местная с.-д. парторганизация, а также и с.-д. группа учащихся снова были загнаны в подполье, из которого только, что вырвались. Однако, уход в подполье не нарушил, а, наоборот, укрепил ту идейную связь, которая налаживалась у с.-д. группы учащихся с воронежской парторганизацией, которая все внимательнее и внимательнее стала вглядываться в ее работу.

Молодые марксисты, члены группы, дорожили налаживающейся связью и, что называется, из сил выбивались, чтобы поддержать о себе хорошее мнение старших товарищей, „комитетчиков“, как их называли.

Главное, чего добивалась группа—это было получение периодической и непериодической литературы, прокламаций, воззваний, а также живой связи, т. е. выделения комитетом в группу кого-либо из своих членов.

Первою группа скоро добилась и скоро библиотека с.-д. группы учащихся приняла весьма внушительный даже для того времени вид. У нее были, кроме нелегальных газет, книги, брошюры и журналы, огромное большинство полулегальных или изданных явочным порядком: здесь были издания: „Колокол“ Мягкова, Распопова, Парамонова и целый ряд других. Одному из пишущих эти строки пришлось долгое время быть хранителем литературы, библиотекарем и транспортировщиком литературы и еще до сих пор стоят в памяти все те ухищрения, с которыми приходилось перетаскивать литературу с вокзала, прятать ее в корзинах или клеенчатых мешках по чердакам, в специально устроенных ямах и т. п.

С.-д. группа учащихся уже к началу 1905 года имела более чем приличную библиотеку, в которую частенько обращались старые партийцы—Ив. Вас. Орловский, Маня Витенберг, Володьянов Гриша и другие.

Подошел декабрь месяц 1905 года и вот из Москвы приходят известия о вспыхнувшем вооруженном восстании, о первых успешных для революционных дружинников боях.

Среди группы идут напряженные разговоры о своевременности и несвоевременности восстания, решаются задачи о том, как поступят войска.

Левое крыло группы стремилось доказать, что

восставший народ победит, что войска станут на сторону народа, но на этот раз их революционный юношеский энтузиазм не оправдался. Войска еще шли на поводу у своих начальников и спаиваемые непрерывно солдаты стреляли в пьяном безумии в крестьян и рабочих.

Пала Пресня... В Воронеж прибыли, спасаясь от расправы, два рабочих с.-д. (большевика), которые дрались с царскими опричниками на Пресне и фабрике Шмидта. Их вывез на своем поезде Михаил Ухтомский. У одного кличка или фамилия была Акимов, фамилия другого не удержалась в памяти. Пришли они к тов. Лызлову (у него была явка) с запиской от Ивана Васильевича (Орловского) и повалились, как мертвые, спать и только на другой день рассказали об ужасах московских событий.

Однако, долго отдохнуть им не удалось, шпикам сильно зашевелились и они уехали, если не ошибаемся, в Ярославль.

Работа воронежской организации в этот период была напряженной, но углубить ее никак не удавалось.

Провал следовал за провалом; прочной типографии создать не удалось—ухитрялись пронюхать жандармы. Связь с центром была не особенно регулярна; правда, получались легальные—как большевистские, так и меньшевистские газеты („Волна“—большевистская, „Невская Газета“—меньшевистская).

Состав организации был неопределенный, как бы примиренческий между большевиками и меньшевиками. После же апрельского Стокгольмского 4-го, так называемого, объединенного съезда партии влияние меньшевизма в ворон. организ. усилилось, что, правда, не обескуражило некоторых бывших еще в период работы в группе учащих „на левом фланге“. Особенно бодрил их выход в самом начале осени „Пролетария“, номер которого был, правда, получен с весьма большим опозданием.

Тов. Борис (Ортодокс) Васильев, бывш. лидером в „группе“, занял весьма почетное положение и в организации—это был великолепный оратор, лектор, пропагандист, он буквально лоспелвал всюду—на все сходки, диспуты, собрания, всюду энергично защищая большевистские положения.

Однако, жандармы не зедали и в одну ночь Бориса вырвали из дружной семьи организации. Утешало только одно, что обыск прошел впустую, т. е. кроме Бориса в руки синих мундиров ничего особо компрометирующего не попало.

Арест Бориса был тяжелым ударом для организации и после его ареста приходилось напрягать все силы, чтобы пополнить ту работу, которую он нес на своих плечах.
